

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Тексту романа Томаса Майера «Удивительное путешествие Волькенбруха в объятия шиксы» предпослано небольшое предисловие автора, в котором он рекомендует читателям «вслушиваться» в слова из идиша, в большом количестве содержащиеся в произведении и переданные латиницей: «Если то или иное слово кажется вам неизвестным, прочитайте его вслух. Если и это не поможет, то загляните в словарь, находящийся в конце книги». Далее писатель поясняет, что «идиш сложился на почве средневерхненемецкого языка, но использует буквы еврейского алфавита».

Совет Майера произносить непонятные слова вслух, чтобы узнать в них германские корни, несомненно, полезен для немецкоязычных читателей, поскольку немецкий и идиш являются близкородственными языками. Стоит напомнить, что в идише, сложившемся в качестве языка повседневного общения в среде ашкеназских евреев, селившихся в Средние века на немецких территориях, насчитывают до 70% лексики германского происхождения.

Однако для русскоязычных читателей рекомендация автора теряет смысл. К сожалению, при переводе неизбежна была значительная утрата языкового своеобразия и связанного с ним особенного очарования произведения Майера, которое в значительной мере написано на смеси немецкого языка (с вкраплением швейцарского диалекта) и идиша. Иногда грань между языками становится в романе незаметной, иногда очень ощутимой, а иногда становится для персонажей предметом обсуждения. В тексте содержатся и высказывания на других языках: иврите, английском, французском и итальянском.

Такое многоязычие произведения, при доминирующей диглоссии, то есть двуязычии, образованном взаимодействием немецкого и идиша, отражает основной смысл романа: поиск собственного пути среди различных культур, языков и традиций. Тема своего пути, несомненно, является одной из доминирующих в повествовании. Молодой человек по имени Мордехай Волькенбрух, живущий в немецкоязычном Цюрихе, соответственно в многоязычной Швейцарии, и выросший в традициях иудаизма, трудно ищет свой образ жизни, индивидуальный путь, позволяющий объединить обычаи, к которым он привык с детства и которые ему дороги, и свободу самостоятельно принимать решения, следовать велению своих собственных эмоций, своих мыслей, своего тела и своей сексуальности.

Из-за того, что русский язык относится к совсем иной группе, чем немецкий и идиш, при переводе

невозможно было в полной мере сохранить языковой уровень романа, который на смеси разных наречий повествует о взаимодействии, конфликте и синтезе культур. Однако мы очень старались всё-таки хотя бы отчасти передать многоязычие произведения, в частности оставить часть слов и выражений на идише, не сделав при этом перевод текста нечитаемым. Насколько это удалось, судить читателям.

*Чаровницам из кондитерской Шпрюнгли,
которые так трогательно заботились обо мне,
пока я писал этот роман*

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

*Теперь я выпью, братцы,
И вот уж рюмку — хлоп.
На целый мир плевать мне,
Я в пляс пойду, гоп, гоп.*

Идишская застольная

МОТЕЛЕ, ТЫ СВЕДЕШЬ
МЕНЯ В МОГИЛУ!

— Мотеле, где же ты? Я переживаю!

Мама чуть не плакала. А ведь прошло всего полчаса с тех пор, как она имела возможность убедиться в моем добром здравии и на всякий случай сунуть мне в карман пальто чистый носовой платок. Однако время, которое матушка могла обойтись без информации о своем сыне, явно было превышено. Я с минуты на минуту ждал ее звонка.

— В магазине «Мигрос», — кротко ответил я. Собственно, она была в курсе. Сама и послала меня сюда. Со списком, написанным ее почерком, который, кроме нее, мог расшифровать — после длительной практики — только я. «Наш тайный код», — заговорщицки говорила мама о своих письменах. Одна из совместных тайн, посвящения в которые я бы с удовольствием избежал.

— Всё нашел? — спросила она. Я как раз взвешивал связку из четырех бананов и плечом

прижимал телефон к уху, чтобы руки были свободны.

— Нет еще, — ответил я и приклеил распечатанную этикетку к целлофановому пакету.

— А что осталось?

— Уже немного.

— Что?

Похоже, она хотела подробностей. Я поставил корзину с покупками на пол и взял телефон в руку. Но место между полками и весами для овощей оказалось неудачным выбором. Какой-то ученик близлежащей гимназии нечаянно толкнул меня.

— Мама, неподходящий момент...

Она заставила меня сравнивать содержимое корзины со списком и перечислять, что еще осталось взять. Я послушно всё назвал и был откомандирован в отдел товаров для дома. Куда и так собирался. Так и сказал: «Я бы и сам сюда пошел».

— Мордехай! Не груби!

— Прости, мама.

— Мотеле, ты сведешь меня в могилу! — крикнула мама, и я услышал, как позвякивают ее серьги. Она помолчала немного, чтобы дать мне прочувствовать ее слова, и отсоединилась.

Вернувшись домой, я выслушал новый список: пространный перечень тревог, которые одолевали маму во время моего отсутствия. В нем

фигурировали и антисемитские выходки, и преступления без национальной или религиозной подоплеки, и всевозможные виды телесных немощей.

«Чего только не могло случиться!» — восклицала матушка. Одно из ее любимых причитаний. Однако, вопреки всем опасениям, я и на сей раз вернулся домой невредимым. С облегчением мама прижимала меня к своей гигантской груди, осыпала поцелуями и изъяснялась в любви, глубже и прекраснее которой нет ничего. «*Сининке, сининке*», — мурлыкала она, «сын мой дорогой».

Не в силах сбежать, я колыхался влево-вправо в объятиях ее толстых рук.

И каким-то образом она умудрилась незаметно сунуть мне в карман второй носовой платок.

Я ЕЙ ПОКАЗАЛА
ТВОИ ФОТОГРАФИИ,
ТЫ ЕЙ ТОЖЕ
ПОНРАВИЛСЯ!

Имя мое Мордехай Волькенбрух, коротко — Моти. Маму зовут Юдифь. Она обладательница безразмерного *тухеса*¹ и лучшего в мире рецепта *кнейдлах*² из мацы. И то и другое досталось ей в наследство от ее мамы.

Моего *tate*³ зовут Мойше. Он худой и бледный, как я. От него мне досталась рыжая борода, однако у него она уже с проседью и немного превосходит мою густотой. Когда я думаю о тате, то вижу его сидящим на диване: черные штаны, белая рубашка, борода, торчащая из-под развернутого номера «Тахлес», еврейского еженедельного журнала, или газеты «Юдише цайтунг», и над всем этим — ермолка.

¹ Зада (*идиш*). — Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, — прим. пер.

² Кнедли, или клецки, — сваренное в кипящей воде или бульоне пресное тесто. В конце книги читатель найдет рецепт кнедлей из мацы от мамы Моти.

³ Папу (*идиш*).

У меня есть два старших брата, Соломон, или Шлойме, и Давид. Оба они унаследовали от мамы тухес, а от тате — цвет кожи, что в совокупности придает им сходство со снеговиками. Шлойме по профессии хирург, поэтому папа частенько называет его кошерным мясником. Он совершенно неспособен уменьшать громкость своего голоса, и это еще одна черта, доставшаяся ему от мамы. А Давид, биолог, напротив, человек тихий.

Два раза в неделю я работал в страховой компании Волькенбруха, фирме моего отца. Остальное время посвящал изучению экономики, что наполняло матушку большой гордостью. На каждой семейной встрече она заявляла, что ее Моти вот-вот получит степень доктора, и мне приходилось смущенно поправлять ее: «Мама, только до магистра еще целый год». На это она отвечала смехом: «Мотеле, ты справишься за три месяца, ты такой умный мальчик. Ты уже в детстве был умным. А потом сразу станешь доктором!» При чем она говорила это не мне, а другим присутствующим, энергично кивая, и я переставал спорить. Попытка возразить была в глазах мамы тяжким преступлением и немедленно каралась холодностью обращения: вместо приветственных объятий она с неммым упреком подставляла мне щеку, чтобы я запечатлел на ней виноватый поцелуй. Обеспечение носовыми платками, разумеется, приостанавливалось на период наказания.

В какой-то момент мама решала, что я в достаточной мере наказан за свое дурное поведение, и ее отношение ко мне теплело. Я снова становился ее сининке, снова она прижимала меня к груди, а когда я залезал в карман пальто, рука с облегчением снова нащупывала знакомый квадрат ткани.

В остальном же мы вели обычный благочестивый еврейский образ жизни. Матушка готовила кнейдлах и следила за порядком в доме, а тате продавал страховки цюрихским евреям. Фраза «Никогда ведь заранее не знаешь!» была его любимым аргументом при продаже. И самым убедительным тоже, ведь он имел дело с людьми, предкам которых однажды запретили ездить на трамваях и начали перевозить их исключительно в товарных вагонах.

Каждый день мы ходили молиться в *шул*¹. Папа — утром и вечером, а я иногда только вечером.

Каждую пятницу, с наступлением сумерек, мама зажигала *лихтлех*², и мы пели и ели в кругу семьи и гостей.

У брата Шлойме уже была своя *мишпуха*³.

У брата Давида тоже.

А у меня нет.

¹ Синагога (*идиш*).

² Свечи (*идиш*).

³ Семья (*идиш*).

Это сильно нервировало маму, которая, сватая двух других сыновей, оба раза попала в яблочко с первой же попытки. А со мной никак не выходило. Причина же была в том, что матушка знакомила меня исключительно с копиями самой себя: Рахилью, Данией, Сарой, Мазалью, Ривкой, Яэлью, Брахой, Шошаной; все они заговаривали меня до смерти, одновременно тоннами поглощая молочное печенье, которое мама покупала у кошерного пекаря. Я молчал, слушая их болтовню, а когда толстые девушки уходили и мама спрашивала мое мнение, я тоже молчал. «Такая славная», — говорила матушка, например, о Рахили. Я сосредоточенно считал крошки на пустой тарелке из-под печенья. Сорок две, если не принимать во внимание совсем мелкие, не поддающиеся учету. Славная Рахиль, очень. «И красивая!» Ну, это уже спорно. «Мордехай! Ты сейчас же ей позвонишь!» Но я только молчал, неподвижно глядя на тарелку до тех пор, пока матушка не уходила из гостиной, фыркнув перед тем, как хлопнуть дверь. На некоторое время я опять лишился ее заботы о пополнении запаса носовых платков.

Поскольку иудейская община Цюриха не безгранична, маме вскоре пришлось распространить свою деятельность на другие города. Она отправляла меня в Берн, в Базель, в Санкт-Галлен

и в Лугано и с мистической точностью рассчитывала момент, когда мы с потенциальной супругой заказывали по второй чашке кофе. Тут звонила мама и спрашивала о ходе переговоров:

— Ну, Мотеле, и как она тебе?

— Мама, я же только приехал.

— Но как она тебе? Я так хочу, чтобы состоялся *шидух*!¹

— Перезвоню, ладно?

— Она такая славная.

— Хорошая, я...

— Я ей показала твои фотографии, ты ей тоже понравился!

— Мама, мы...

— И старые фотографии, где ты маленький. Помнишь ту, где ты голенький бегаешь в саду у Гуггенхаймов? Она сказала, что это так мило!

— Ну мама, мне надо идти.

— Моти, ты что, не хочешь разговаривать с мамой?

— Хочу, но...

— Тогда слушай меня внимательно! Она очень хорошая, поверь мне!

— Понял. Созвонимся позже.

— Ты мне трубку не бросай! Мордехай!!!

¹ Шидух (*иврит*) — сватовство, знакомство с целью создания традиционной иудейской семьи.

Недавно, вернувшись из одной такой поездки, я застал маму за обеденным столом, перед ней лежали две скомканные обертки от шоколада.

— Ну, Моти? — спросила она; глаза ее горели как ханукальные свечи.

— Не знаю, мам, — промямлил я, просто чтобы что-нибудь сказать.

— Чего не знаешь? — Она выпятила грудь.

Я в замешательстве схватился за бороду: негоже ведь сказать собственной матери, что девица мне не нравится, потому что похожа на нее. Потому ответил:

— Не было искры между нами, мама.

— Не было искры! — закричала мама. — Зачем тебе искра?! Тебе жена нужна!

Свою непоколебимость она продемонстрировала в следующий *шабат*¹ в нашей синагоге на Фрайгутштрассе. Мы с папой сели с мужчинами, а мама, пыхтя и отдуваясь, поднялась на женскую половину и на весь зал закричала оттуда, еще даже не сняв пальто: «Вы нашли наконец девушку для моего Моти?».

Все мужчины посмотрели на меня — не с жалостью, скорее с сочувствием. У них тоже были мамы. Это объединяет.

¹ Священный день отдыха у иудеев, время от заката пятницы до заката субботы.

Меня сразу насторожило слово «наконец»: значит ли это, что здесь уже давно идет кампания, в которой участвует вся община?

Много было тому подтверждений. Так, пару дней спустя матушка под каким-то предлогом отвезла меня в Базель. Якобы помочь ей забрать рулоны ткани у одной старушки, которая съезжала с квартиры и разбирала вещи. А матушка один вечер в неделю посвящала шитью. На деле же оказалось, что хозяйка не так уж и стара и к тому же далека от мысли о переезде; да и ткани там не было, зато была дочь, в затхлую комнату которой меня без лишних церемоний и загнали. Дверь благопристойно осталась открытой.

Девушка — ее звали Ханна — отличалась очаровательно отталкивающей внешностью и почти не поднимала глаз, когда нас представляли друг другу. Да и потом смотрела только на свои ноги. К тому же говорила так тихо, что мне постоянно приходилось ее переспрашивать.

Наверное, так в прежние времена поступали с уродливой принцессой, думал я: запирали в самой высокой башне королевского замка и запускали к ней принцев, одного за другим, в надежде, что у кого-нибудь из них окажется плохое зрение.

Беседа с Ханной не клеилась, а когда через двадцать минут к нам вошли матери и, чтобы

пробудить взаимный интерес, принялись расписывать достоинства наших характеров, которыми мы не обладали (во всяком случае, я не обладал), обстановка стала невыносимой. Когда же и родительницам больше нечего было сказать, мы с мамой попрощались и сели в машину.

Пока мы выбирались из города, я попытался выразить возмущение тем, как бесовестно меня заманили в ловушку, однако мама меня перебила и обругала самым упертым евреем, какого когда-либо встречала в жизни.

— Что же не так с этой Ханной?

Я сказал.

— Ничего себе! — сердито воскликнула мама и нажала на газ. — Какой герр Волькенбрух привередливый.

Я согласился.

— Но сам-то герр Волькенбрух не то чтобы принц среди евреев.

— Что ты хочешь сказать? — спросил я голосом двенадцатилетнего мальчика и разозлился на себя. Всегда, когда я возражал маме, начинал пищать по-детски.

— Хочу сказать только: можешь ли ты позволить себе быть таким привередливым? Подумай об этом.

От нее пахло потом.

— Я хочу быть счастливым, а не привередливым, — сказал я после небольшой паузы.

— Ха-ха! Счастливым! — мама искренне расмеялась. — Ты в курсе, кто твои предки?

Ой, подумал я, сейчас снова заведет шарманку о бедной польской прабабушке-прачке, которая работала шесть дней в неделю и для которой пределом счастья было, если ее пятеро детишек не ложились спать голодными. Я предпочел промолчать.

— Ты в курсе, кто твои предки? — повторила мама уже серьезно.

— Мими Айзенгайт из Польши, — заученно ответил я.

— Счастье, мой милый, — наставляла меня мама, — это из сказок. Причем из *гойских*¹.

Мы выехали на автобан. Мама ехала слишком быстро, глаза ее были прищурены. Периодически она поглядывала на спидометр и приподнимала ногу с педали газа, но затем опять разгонялась. До Райнфельдена мы не произнесли ни слова. Потом я спросил: «Мама, а почему так важно, чтобы я женился сейчас? Можно же и позже это сделать». Ответа не было. «Мама?» — сделал я еще одну попытку, когда проехали местечко Фрик. Ее неподвижный взгляд был устремлен вперед. Только в Цюрихе, когда мы сворачивали на Хопфенштрассе, она снова заговори-

¹ Т. е. нееврейских, соотв. гой — любой нееврей. — *Прим. ред.*

ла: «Послезавтра мы опять съездим в Базель». Затем припарковалась, заглушила мотор, с усилием выбралась из машины и устремилась к нашему дому.

Вечером она пересолила мой ужин.